

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 188—196.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2024. Iss. 3. P. 188—196.

Научная статья

УДК 37.033/.036

DOI: 10.46726/И.2024.3.22

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Ксения Леонидовна Ерофеева

Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина,
г. Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема экологического воспитания в аспекте эстетического восприятия природных и искусственных объектов. Отмечается, что формирование и воспитание экологического сознания, адекватного потребностям современного общества — одна из важнейших и сложнейших задач. Анализируются два подхода к пониманию предметного поля эстетики, вытекающих из концепций А. Баумгартена и Г. Гегеля. В свете глобальных экологических угроз констатируется актуальность концепции А. Баумгартена. Обосновываются выводы о том, что критерии эстетической оценки природных и технических объектов в условиях глобального экологического кризиса вытекают из принципов экологической целесообразности и оптимальности. В этой ситуации субъектами эстетической экспертизы и эстетического воспитания в сфере экологии могут быть лишь компетентные личности и группы из числа ученых, политиков, общественных активистов. В качестве цели и объекта воспитательного воздействия, направленного на эстетические аспекты экологического сознания, выступают как дети, так и взрослые, проявляющие незрелое экологическое сознание и поведение. Методы подобного воздействия могут быть эффективными только если они соответствуют индивидуальным особенностям воспитуемых. На макросоциальном уровне эти методы должны сочетать в себе принуждение и поощрение, включать механизмы общественного мнения, социального престижа, моды.

Ключевые слова: эстетическое воспитание, экологическое сознание, культура, постиндустриальная цивилизация, природа, критерии эстетической оценки экологически значимых объектов, субъект эстетической экспертизы

Для цитирования: Ерофеева К.Л. Эстетические аспекты экологического воспитания // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3. С. 188—196.

Формирование и воспитание экологического сознания, адекватного потребностям современного общества — одна из важнейших и, как показал опыт, сложнейших задач для педагогов всех уровней. Эта форма индивидуального и массового сознания не может базироваться лишь на рациональных и утилитарных основаниях. Для того, чтобы экологическое сознание заняло в структуре мотиваций субъекта ведущее место, необходима интериоризация его императивов на уровне эмоций и чувств. Воспитание же чувств (особенно у становящейся индивидуальности — ребенка, подростка) наиболее плодотворно и органично реализуется через эстетическое восприятие. Поэтому отдельной проблемой, имеющей как теоретическое, так и безусловное практическое значение стала проблема эстетических аспектов экологического сознания и воспитания.

Наиболее очевидны в этой области следующие вопросы: каковы критерии эстетической оценки природных и технических объектов в условиях глобального экологического кризиса; какие индивидуальные и коллективные субъекты эстетической экспертизы и эстетического воспитания в сфере экологии могут рассматриваться как общезначимые; кто выступает в качестве объекта воспитательного воздействия, и какие методы подобного воздействия могут считаться эффективными и морально-допустимыми?

Как известно, в философской традиции существует два подхода к пониманию предметной области эстетики как науки. Первый из них восходит к точке зрения самого автора термина «эстетика» Александра Баумгартена. Немецкий просветитель понимал эстетическое отношение как специфическую форму познания, по сути, отождествляя его с познанием чувственным. В духе своего времени он рассматривал этот вид как первичный и низший в сравнении с рациональным познанием. При таком видении проблемы в качестве объекта эстетического отношения может выступать весь мир или любой фрагмент реальности.

Второй подход связан с именем Георга Гегеля. Именно он стал на долгое время ведущим, возможно, благодаря авторитету этого мыслителя в XIX столетии, а скорее всего — из-за созвучности идеалам романтизма. Суть этого подхода — в сведении предмета эстетики лишь к области искусства, художественного творчества. В XX веке эта гегелевская традиция в целом сохраняется. Работы по эстетике Г. Гадамера, Х. Ортега-и-Гасета, Т. Адорно — почти исключительно работы об искусстве. При этом, в рамках марксистской философской традиции наблюдается и тенденция к преодолению гегелевского «узкого» подхода. Так, Д. Лукач, один из наиболее авторитетных представителей европейского марксизма, большое место в своей «Эстетике» отводит анализу становления искусства [Лукач]. При этом он подчёркивает, что начальные этапы культурного развития человечества синкретичны, и «общим материнским лоном» познавательной деятельности, религии, этики и эстетики (то есть всех форм человеческой духовности) служит обыденная жизнь, повседневность [Крутоус: 89]. Из подобного видения логически следует вывод о том, что эстетическим чувствам и оценкам подлежит вся повседневная жизнь, и шире — вся реальность. Именно такую трактовку находим, например, у Ю. Борева, который значительное место отводит эстетическому осмыслению иных сторон действительности и видов человеческой деятельности [Борев].

Представляется, что в XXI веке такое видение предметного поля «науки о прекрасном» стало еще более актуальным. По мере того, как усложняется социальная реальность, размываются границы собственно художественной деятельности и эстетической деятельности в утилитарных, игровых и иных ее формах. Поэтому интерес к позиции А. Баумгартена в эстетике вполне оправдан. Не случайно современный американский исследователь Р. Шустерман сетует, «почему рамки пост-баумгартеновской эстетики были сведены от широкого поля чувственного познания к узким границам изучения прекрасного и изящного искусства» [Шустерман: 384—385]. Среди российских философов, пытающихся расширить проблемное поле эстетики, следует отметить представителей Петербургской школы. Эти авторы направляют внимание на сенсорнику и кинетику в эстетическом восприятии. Они полагают, что «удельный вес» рационального в трактовке эстетических явлений и переживаний слишком велик. В.В. Савчук отмечает, что эстетика как дисциплина явилась реакцией на господство картезианского рационализма в европейской культуре [Савчук: 345]. Другой петербургский автор, В.В. Прозерский полагает, что «в европейской

философии Нового времени господствовал оптикоцентризм, в рамках которого мыслил и Баумгартен». Он утверждает, что в итоге эстетика была ограничена «сферой дистантных когнитивных чувств — зрением и слухом», и утверждает, что «теперь на долю эстетики выпадает задача проникнуть в *телесную чувствительность*», где были бы подключены все прочие чувства — осязание, обоняние, вкус [Прозерский: 95—97].

Подобный подход представляется исключительно плодотворным для эстетического воспитания субъекта экологического сознания и поведения. Любовь к природе, ее эстетическое восприятие как прекрасного и возвышенного формируется с детскими впечатлениями. Но эти впечатления отнюдь не исчерпываются усвоенными сентенциями, заученными утверждениями наставников. Они оказываются действенными только если подкреплены всем чувственным опытом, памятью тела. Подобно тому, как любовь и привязанность ребенка к матери вырастает из вкусовых, тактильных ощущений и лишь позднее превращается в духовное чувство, любовь к родной природе вырастает из запахов, вкусов, образов и звуков, дающих с раннего детства самые устойчивые воспоминания. Непосредственное общение с природными объектами, причем общение не только созерцательное, но и действенное, активное, является необходимым элементом воспитания ребенка вообще и экологического воспитания в особенности. Это хорошо понимали лучшие педагоги прошлого, такие как, например, В. Сухомлинский. В эпоху глобальных экологических проблем, которые за последние годы еще более обострились, вопрос о критериях эстетической оценки природных и технических объектов можно решить только в связи с вопросом об экологической целесообразности

Мысль о том, что красота, хотя и косвенно, связана с пользой, высказывали многие мыслители от Сократа до Ивана Ефремова. Но в свете экологического кризиса она актуальна как никогда. Решить же, что в конкретной ситуации является полезным для человека и природной среды, способны только специалисты. Из этого следует, что экспертом в ситуации эстетической оценки экологически значимых объектов (как природных, так и искусственных) может являться только сообщество ученых-специалистов. Такую точку зрения разделяют представители канадской экологической школы. Наиболее известный среди них — А. Карлсон — утверждает, что без элементарных знаний естественных наук: геологии, зоологии, ботаники, почвоведения невозможно понимание того, что прекрасно, а что безобразно в природе [Carlson]. Он приводит ссылки на биографии выдающихся естествоиспытателей, которые были не только исследователями, но одновременно ценителями красоты природных объектов и явлений, которые они изучали.

Важно подчеркнуть, что каждый индивид как субъект экологического сознания располагает собственным потенциалом эстетических реакций на экологически значимые явления и объекты. Эстетическое измерение человеческого бытия предполагает несравненно большую долю субъективного, нежели два других измерения — этическое и когнитивное. Объективность представлений о добре как идеале в этической сфере обусловлена тем, что мораль выражает социальную природу человека. Познавательные способности и потребности также реализуются у различных индивидов сходным образом. Ведь истина как идеал в сфере познания — это именно знание общезначимое. Но эстетическая составляющая нашей духовной жизни выражает нашу индивидуальность, уникальность каждой конкретной человеческой субъективности со всеми ее рациональными и иррациональными особенными свойствами. Поэтому и формы

педагогического воздействия в процессе экологического воспитания необходимо искать исходя из индивидуальных особенностей воспитуемого. Однако субъективность эстетических вкусов, оценок, идеалов не следует абсолютизировать. В данной сфере человек обнаруживает и свою родовую, общечеловеческую сущность. Более того, в общественных эстетических вкусах наблюдается следующая тенденция: *чем менее развит индивид в эстетическом отношении, тем легче он следует за модой, проявляя эстетический конформизм. И напротив, субъект эстетического отношения тем более самостоятелен в оценках и предпочтениях, чем разнообразней его эстетический опыт.* Но в настоящее время, в условиях массовой культуры, люди с развитым и самостоятельным эстетическим вкусом представляют собой незначительное меньшинство. Поэтому, вырабатывая стратегию воспитания массового экологического сознания и его эстетических компонентов, необходимо активно использовать феномены подражания и моды.

Объективные потребности общества в сохранении природы требуют рассматривать в качестве цели и объекта экологического воспитания не только детей и подростков. Взрослые люди, в том числе — те, от кого зависит экологическая политика, нуждаются в просвещении и воспитании со стороны ученых — климатологов, биологов, медиков, социологов, психологов, философов. С другой стороны, сами политики, в том числе высшего уровня власти, могут представлять собой силу, определяющую общественное сознание в сфере отношения к природе. Белорусский автор П.С. Карако приводит интересные примеры экологических инициатив политиков, включая президента США Л. Джонсона. В 1965 году он направил в конгресс США особое послание, в котором отмечается значение красоты природы в жизни народа: «Веками американцы черпали силу и вдохновение в красоте своей страны». Далее в документе констатировалось, что существование природной красоты поставлено под угрозу. Автор статьи отмечает, что этот документ и ряд последующих политических инициатив «стали теоретической основой общественного движения за сохранение красоты природы в США» [Карако: 13]. Воспитательное воздействие на детей и взрослых людей с незрелым экологическим сознанием требует сходных, часто даже тождественных методов. Но чем раньше индивид узнает и почувствует природу как единый организм, как живое существо, нуждающееся в нашей защите, тем с большей вероятностью такое воздействие принесет свои плоды.

Экология имеет дело преимущественно с живыми объектами — отдельными организмами (растениями, животными), либо с целыми их сообществами (биоценозами, популяциями и т. п.). Поэтому эстетическое отношение к ним должно прививаться в неразрывном единстве с моральным отношением. Моральные принципы и убеждения формируются как результат воспитания и всего жизненного опыта индивида. Но задатки его моральных качеств являются врожденными. В частности, от рождения не одинаковы способности к эмпатии, состраданию, жалости. От того, насколько выражены эти способности у индивида, зависит и его способность эстетически воспринимать растение, животное, либо целостную природную систему. Не случайно И. Кант отмечал, что чуткость к красоте пейзажа проявляют именно добрые люди [Кант: 315]. В одном случае восприятие такого объекта как красивого/прекрасного будет лишено моральной окраски, аналогично восприятию живописного полотна или статуи. В другом — индивид может восхищаться красотой этого живого объекта по аналогии с эстетическим восприятием человека — его внешности, пластики движений и т. п.

И это восхищение будет сопровождаться вниманием, заботой, бережным отношением, сочувствием.

Если же врожденной способности к состраданию не наблюдается, то зачастую даже воспитательные усилия оказываются неэффективными. Нередко приходится наблюдать, что красивый/прекрасный предмет вызывает в ком-то стремление разрушить, испортить его. Это касается и произведений искусства, и природных объектов, и, к сожалению, людей. Очевидно, в основе этих проявлений вандализма и садизма лежат как биологические, так и социальные причины. О них в свете данной темы нет оснований говорить подробно. Но важно помнить, что увещания и порицания не всегда эффективны. Природный, экологически значимый объект беззащитен перед современным человеком, вооруженным всем арсеналом искусственных средств. Беззащитность, как убедительно показывает психология, провоцирует агрессию и деструкцию. Поэтому деструктивное стремление одних представителей человеческого сообщества должно компенсироваться охранительным поведением, действенной, активной защитой со стороны других. Амбивалентность человека как вида, его моральных качеств и эстетических вкусов нагляднее всего демонстрирует именно его отношение к природным объектам. На уровне простых жизненных наблюдений большинство из нас угадывает, что жестокость по отношению к животным напрямую связана с жестокостью по отношению к людям, в особенности — к слабым и беззащитным. Если такая жестокость у подобного субъекта не проявляется, то, скорее всего, это происходит лишь из страха перед наказанием. Воспитание посредством наказаний в эстетической сфере едва ли приемлемо. Но наказания за экологические преступления необходимы, и они предусмотрены законом. По нашему убеждению, законодательство в этой сфере и, в особенности, система контроля за исполнением закона нуждаются в существенной корректировке. Но этот вопрос выходит за рамки данной темы исследования. В контексте же наших размышлений важно подчеркнуть, что существует действенная форма морального порицания. Любой, даже морально неразвитый индивид испытывает психологический дискомфорт, если получает осуждение в общественном мнении. Однако это происходит лишь при условии, что общественное мнение о важности экологической проблематики в обществе уже сформировано, и призывы беречь природу не остаются на уровне формальных идеологических деклараций. Осуждение за причиняемый природе вред может быть высказано и в форме эстетических оценок — «безобразное поведение», «некрасивый поступок».

Кроме жестокости существует и экологическое безразличие, экологическая безграмотность. Именно такой тип «вредителя природы» является наиболее распространенным. Внутри него можно выделить две разновидности: человек, чье повседневное существование напрямую зависит от природы, и человек, существующий в урбанистической реальности. В первом случае человек, как это было и в доиндустриальном обществе, озабочен лишь собственным непосредственным выживанием. Он, как правило, не образован и не осведомлен о реальном масштабе современных экологических проблем. Поэтому воспитание такого разряда людей возможно лишь как просвещение в сочетании с улучшением условий их жизни. На это, в частности, направлены проекты благоустройства малых городов и поселений, осуществляемые в нашей стране, проекты благоустройства экологически и социально неблагополучных регионов в ряде развивающихся стран.

Если же индивид сформировался и с детства существует в урбанистической среде, для его экологического сознания возникает другая опасность. Нередко он не воспринимает природный объект как форму живого, не видит для себя разницы между растущим деревом и пластмассовым предметом мебели, животным, о котором нужно заботиться и игрушкой. Воспитание если не любви, то уважения к природе в этом случае полезно строить на ценности социального престижа. Особенно важно повысить престиж всех видов творческой деятельности по преобразованию природы. Как писал Г. Гадамер, «природа не исчерпывает всех возможностей изобразительной деятельности, оставляя лакуны для формотворчества человеческого духа» [Гадамер: 335]. Это утверждение можно отнести не только к формотворчеству в сфере традиционных видов искусства. Человеческий дух может творить и на стыке утилитарного с художественным. Это явление давно известно и носит название прикладного искусства. Но кроме известных, традиционных прикладных его форм (предметы быта, одежда, мебель и т. п.) необходимо актуализировать искусство селекционера-ботаника и селекционера-зоолога, садовода, ландшафтного дизайнера. Именно эти виды деятельности сегодня должны рассматриваться как наиболее ценные с эстетической и практической точек зрения [Ерофеева: 167]. Еще в первой половине XX века Н.А. Бердяев с грустью констатировал: «Культура в период своего цветения была еще окружена природой, любила сады и животных» [Бердяев: 149]. Возникает вопрос: сегодня, спустя почти сто лет после написания этих строк, существует ли надежда на новый период «цветения культуры», или она безвозвратно вошла в унылую эпоху «цивилизации» (в терминологии О. Шпенглера)? Нетронутые человеческим вмешательством природные объекты тем чаще воспринимаются экологически воспитанной личностью как прекрасные, чем реже они встречаются в процессе экспансии общества в дикую природу. Но не менее сильное положительное эстетическое воздействие оказывают природные объекты, преобразованные сознательной деятельностью экологически грамотных людей. Современной цивилизации, с ее явным «перекосом» в сторону искусственного, исключительно важны «оазисы» естественных экосистем. С другой стороны, системы, в которых оптимальные экологические решения создали гармоничное сочетание естественного и искусственного, также воспринимаются как прекрасные.

Эстетические оценки животных и растений менялись в истории не менее радикально, чем эстетические оценки внешнего вида людей. Так, еще в XIX веке большинство морских животных и насекомых принято было определять в категориях безобразного, ужасного, низменного [Соловьев]. Ландшафт также оценивается как эстетически привлекательный и даже прекрасный с диаметрально противоположных позиций. Руссоистская эстетика интерпретирует его как прекрасный фрагмент естественной природы. Эстетика классицизма, напротив, провозглашает идеалом фрагмент природы, преобразованный (порой до неузнаваемости) разумной волей и мастерством людей. Но в обоих случаях ландшафт признается эстетически ценным/прекрасным, лишь если он обладает разнообразием, гармонией элементов, если ему присуще единство, целостность. Из этого видно, что при восприятии природного объекта работают приблизительно те же критерии, что применимы к искусству как художественному творчеству.

В настоящее время первая тенденция представлена мало. Примеры подобного возвращения эстетических вкусов «назад к природе» уже имеются (например, ансамбль Зарядья в Москве), но они пока не встречают желаемого эстетического отклика. Вторая тенденция доминирует в урбанистической реальности по всему миру и выражает себя во все более разнообразных формах.

Как правило, эти формы фундированы дорогостоящими технологическими решениями — такими как Торговый комплекс в Сингапуре, «зеленые» небоскребы в Милане, крыши-сады в Чикаго. Представляется, что в современных условиях необходимо сочетать оба названных подхода. Сохранять фрагменты нетронутой, девственной природы, безусловно, необходимо с утилитарной точки зрения. Как подчеркивают авторы коллективной монографии «Эстетика природы», «Заповедники ... сохраняют нам биологически ценные виды и уникальные памятники природы», но не менее важно, что они представляют для нас «эстетический эталон». Также отмечается, что человеку необходима «презумпция эстетического совершенства природы» [Эстетика природы: 80]. В этой же работе положительно интерпретируется и идеал преображенной человеческим творчеством природы: «У. Моррис в своих “Новостях ниоткуда” рисует картину утопического города-сада, даже больше того, его мечтой была вся Англия-сад. В отличие от романтиков, Моррис искал выхода не в так называемой дикой природе, а в прирученной, не в идее леса, скал, океана, а в идее сада — этой промежуточной дружественной нам природе» [Там же: 45]. Если две названные тенденции в эстетическом освоении природной среды будут сосуществовать — будет достигнута возможность индивидуального подхода в эстетическом воспитании экологического сознания. Однако в современной действительности на Земле едва ли найдутся природные объекты, не затронутые деятельностью человека. Как утверждает А.Ю. Гусева, «экологическая эстетика стремится к поддержанию природных форм, имитируемых внутри человеческой техногенной среды. Иначе говоря, даже те естественные объекты, которые сохранились внутри такой среды, продолжают существовать только как своего рода «протез» природы, поскольку их существование специально поддерживается, «разрешается» человеком (в соответствии с идеей В.И. Вернадского о ноосфере как преобразованной человеческой деятельностью поверхности планеты). В связи с этим в аспекте инструментальном «превращенность» экологической эстетики проявляется именно через попытки «сохранить» или «восстановить» некую «первичную» природную реальность, в сочетании с достаточно очевидным пониманием того, что это «исходное состояние» не просто невозстановимо, но и представляет собой некую утопию. Вероятно, именно подобная противоречивость прикладных установок экологической эстетики может оказаться импульсом для ее развития» [Гусева: 213]. С последним оптимистическим выводом автора хотелось бы согласиться.

Итак, можно сделать следующие выводы. Критерии эстетической оценки природных и технических объектов в условиях глобального экологического кризиса вытекают из принципов экологической целесообразности и оптимальности. Это обусловлено важностью экологических угроз для человечества и всего живого на Земле. В этой ситуации субъектами эстетической экспертизы и эстетического воспитания в сфере экологии могут быть лишь компетентные личности и группы из числа ученых, политиков, общественных активистов. В качестве цели и объекта воспитательного воздействия, направленного на эстетические аспекты экологического сознания, выступают как дети, так и взрослые, проявляющие незрелое экологическое сознание и поведение. Методы подобного воздействия могут быть эффективными, только если они соответствуют индивидуальным особенностям воспитываемых. На макросоциальном уровне эти методы должны сочетать в себе принуждение и поощрение, включать механизмы общественного мнения, социального престижа, моды.

Список литературы / References

- Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147—162.
(Berdyayev N.A. Man and machine, *Questions of philosophy*, 1989, no. 2, pp. 147—162. — In Russ.)
- Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
(Borev Yu.B. Aesthetics, Moscow, 2002, 511 p. — In Russ.)
- Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
(Gadamer G. The Relevance of the beautiful, Moscow, 1991, 367 p. — In Russ.)
- Гусева А.Ю. Экологическая эстетика как превращенная форма эстетики природы // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 3 (20). С. 209—213.
(Guseva A.Yu. Ecological aesthetics as a transformed form of aesthetics of nature, *Society. Environment. Development*, 2011, no. 3, pp. 209—213. — In Russ.)
- Ерофеева К.Л. Архетип сада в культуре и задачи экологического воспитания // Состояние и перспективы электро- и теплотехнологии (Бенардосовские чтения): материалы Международной (XX Всероссийской) научно-технической конференции. Иваново: ИГЭУ, 2019. С. 166—168.
(Erofeeva K.L. The archetype of the garden in culture and the tasks of environmental education, *State and Prospects of Electrical and Thermal Technology (Benardosov Readings): Materials of the International (XX All-Russian) Scientific and Technical Conference*, Ivanovo, 2019, pp. 166—168. — In Russ.)
- Кант И. Критика эстетической способности суждения // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 5. М., 1966. С. 201—379.
(Kant I. Critique of the aesthetic faculty of judgment, *Kant I. Works in 6 vols*, vol. 5, Moscow, 1966, pp. 201—379. — In Russ.)
- Карак П.С. Экологическая эстетика: становление, сущность и роль в оптимизации социоприродных взаимоотношений // Философские науки. 2010. № 2. С. 31—46.
(Karako P.S. Ecological aesthetics: formation, essence and role in optimization of socio-natural relationships, *Philosophical sciences*, 2010, no. 2, pp. 31—46. — In Russ.)
- Крутоус В.П. Эстетическая сумма Дьердя Лукача // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. 2012. № 2. С. 85—99.
(Krutous V.P. Aesthetic summa of György Lukacs, *Bulletin of Moscow State University. Series: Philosophy*, 2012, no. 2, pp. 85—99. — In Russ.)
- Лукач Д. Своеобразие эстетического: в 4 т. М.: Прогресс, 1985—1987.
(Lukacs D. The Peculiarity of the Aesthetic: in 4 vols, Moscow, 1985—1987. — In Russ.)
- Прозерский В.В. Значение эстетики Баумгартена для теории телесной сенситивистики // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 2 (44), ч. 4. С. 95—97.
(Prozersky V.V. The significance of Baumgarten's aesthetics for the theory of bodily sensitivism, *International Research Journal*, 2016, no. 2, pt. 4, pp. 95—97. — In Russ.)
- Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон+, 2012. 416 с.
(Savchuk V.V. Topological reflection, Moscow, 2012. 416 p. — In Russ.)
- Соловьев В.С. Красота в природе // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 351—389.
(Soloviev V.S. Beauty in Nature, *Soloviev V.S. Works: in 2 vols*, vol. 2, Moscow, 1988, pp. 351—389. — In Russ.)
- Шустерман Р. Прагматическая эстетика. Живая красота. Переосмысление искусства. М.: Гуманитарное знание, 2012. 408 с.
(Shusterman R. Pragmatic aesthetics. Living beauty. Rethinking art, Moscow, 2012, 408 p. — In Russ.)

Эстетика природы / под ред. К.М. Долгова. М.: ИФ РАН, 1994. 230 с.
(Aesthetics of nature, ed. by Dolgov K.M., Moscow, 1994, 230 p. — In Russ.)

Carlson A. Nature, Aesthetics, and Environmentalism: From Beauty to Duty, New York: Columbia University Press, 2008, 472 p.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2022; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 26.06.2022; accepted for publication 02.09.2024.

AESTHETIC ASPECTS OF ECOLOGICAL EDUCATION

Ksenia L. Erofeeva

Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin,
Ivanovo, Russian Federation, xenia.erofeeva@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of environmental education in the aspect of aesthetic perception of natural and artificial objects. It is noted that the formation and education of environmental awareness adequate to the needs of modern society is one of the most important and complex tasks. Two approaches to understanding the subject field of aesthetics, arising from the concepts of A. Baumgarten and G. Hegel, are analyzed. In light of global environmental threats, the relevance of A. Baumgarten's concept is stated. The conclusions are substantiated that the criteria for aesthetic evaluation of natural and technical objects in the context of the global environmental crisis follow from the principles of environmental feasibility and optimality. In this situation, only competent individuals and groups from among scientists, politicians, and public activists can be subjects of aesthetic examination and aesthetic education in the field of ecology. Both children and adults who exhibit immature environmental awareness and behavior act as the target and object of educational influence aimed at the aesthetic aspects of environmental awareness. Methods of such influence can be effective only if they correspond to the individual characteristics of those being educated. At the macro social level, these methods must combine coercion and encouragement, include mechanisms of public opinion, social prestige, and fashion.

Keywords: aesthetic education, ecological consciousness, culture, post-industrial civilization, nature, criteria for aesthetic assessment of ecologically significant objects, subject of aesthetic expertise

For citation: Erofeeva K.L. Aesthetic aspects of ecological education, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2024, iss. 3, pp. 188—196.

Информация об авторе / Information about the author

Ерофеева Ксения Леонидовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и права, Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина, Иваново, Россия, xenia.erofeeva@mail.ru

Erofeeva Ksenia Leonidovna — Doctor of Sciences (Philosophy), Professor of the Department of History, Philosophy and Law, Ivanovo State Power Engineering University named after V.I. Lenin, Ivanovo, Russia, xenia.erofeeva@mail.ru